

Евгений ЖАРКОВ

АЙВАЗОВСКИЙ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ИВАНОВЕ

Неизвестное интервью художника

Красивой и даже как бы неправдоподобной сказкой является вся жизнь этого великого и почти не знавшего горестей художника. Беспереывная смена удач и счастливых сочетаний, всевозрастающий фавор и неизменная любовь и популярность — таковы этапы, пройденные им в течение 83-летней его жизни.

Вениамин ГЕЙМАН [1]

Слова Вениамина Геймана в полном смысле оказались пророческими. Они отразили и прямую и обратную перспективу истории создания жизнеописаний Ивана Айвазовского. В эпиграфе мы намеренно выделили слово «сказкой», так как сказкой, по большому счету, оказалась не только сама жизнь великого мариниста, но и большинство его биографий.

Суммарный тираж гляцевых альбомов репродукций Айвазовского, с конца XIX в., давно перевалил за миллион экземпляров. Не менее успешны показатели торгов его полотнами на международных аукционах — миллионный рубеж (правда, уже за одну картину) взят и на этом поприще. Тем удивительнее и тем контрастнее кажутся рукописи и другие биографические материалы художника, которые по-прежнему изучены крайне слабо и бессистемно.

Одну из таких архивных жемчужин мы предлагаем читателю. Она сохранилась в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского [2] в личном фонде Алексея Петровича Новицкого. Это неопубликованное интервью с Иваном Айвазовским 14 ноября 1890 г. [3]. В нем выдающийся маэстро отвечал на вопросы о своих встречах с Александром Ивановым, бессмертным творцом всемирно известного монументального полотна «Явление Христа народу».

Интервьюер — Алексей Петрович Новицкий — был в то время начинающим ученым, историком искусства и общественным деятелем. Окончил Московский университет. В 1890 г. работал помощником библиотекаря Исторического музея в Москве. Причиной встречи Новицкого с Айвазовским была монография, над которой Алексей Петрович работал в то время — «Опыт полной биографии А. А. Иванова» [4].

Автограф А. П. Новицкого, представляющий запись воспоминаний Айвазовского, написан на двух листах, размером 17,6 × 11 см. Лист 1-й исписан с двух сторон, 2-й — только с одной. Текст писан черными чернилами, харак-

А. И. Айвазовский.

Делов. Печ. С. П. 21 июля 1878 г.

Кург. Зен. А. Николаевна Мастерс. д. № 11—43.

Мчимся, колес могучей машины
Ростъ волнится лоно пучины,
Паруя надугло, — сереть ильча...
Съ дѣтства влекла меня сердца тревога
Въ область свободную влечимаго бѣга...

(Е. Баратынский).

А. И. Лебедев. Карикатура на И. К. Айвазовского. 1878. Литография. 47 × 33,5.
Национальная картинная галерея им. И. Айвазовского

терным для Новицкого мелким, убористым почерком с наклоном вправо. Впервые об этой заметке упоминает в своей монографии, посвященной Новицкому, А. И. Бонь в контексте исследования основных направлений в научной работе ученого [5].

Все искусствоведы отмечают, что зрительная память у Айвазовского была блестящей. Свидетельством тому служат не только его живописные шедевры, но и несравненные воспоминания об увиденных местностях, событиях и людях. Здесь следует указать на воспоминания маэстро, которые по расшифровкам стенограмм составил П. П. Каратыгин [6] и отдельные мемуарные штрихи к портретам Пушкина и Белинского: их Айвазовский давал в письмах к Н. Н. Кузьмину. Интересное свидетельство оставил С. А. Качиони, свояк Айвазовского. В 1926-м, приводя рассказы маэстро о крымском разбойнике Алимe, он отмечал, что Иван Константинович «всегда был очень силен памятью прошлого» [7].

В воспоминаниях Айвазовского, записанных Новицким, на первый взгляд, многое схоже с воспоминаниями, которые со слов Айвазовского печатал Каратыгин. Но, сравнивая два небольших момента в классическом общеизвестном тексте у Каратыгина с записью Новицкого, можно сделать вывод о том, что в разговоре с Новицким Айвазовский был более откровенен, и это подтверждают слова художника: при первой встрече он сразу же выразил Иванову свое непонимание его творческого метода.

Что же объясняет такую чистосердечность Айвазовского? Здесь, на наш взгляд, важен хронологический момент. Во-первых, беседа с Новицким происходила на двенадцать лет позже, нежели с Каратыгиным, и Айвазовский мог говорить согласно более зрелому взгляду на прошлое. Во-вторых, Новицкий не стенографировал, а лишь запоминал сказанное Айвазовским (и записал это на следующий день — 15 ноября!) — здесь с художника был снят психологический барьер. В-третьих, рассказ Айвазовского Новицкому не предполагался для издания полностью (как стенограммы Каратыгина), а лишь как материал для монографии. И здесь, возможно, была устная договоренность, что не все сказанное будет опубликовано (о таких договоренностях упоминает Новицкий, записывая мнения и воспоминания других своих старших современников [8]). И последнее, наиболее существенное: за эти 12 лет (а именно в 1880 г.) были изданы письма А. А. Иванова из Италии [9], где он не всегда благожелательно отзывался об Айвазовском.

С этой книгой Айвазовский был знаком, и об этом он косвенно свидетельствует Новицкому в интервью: «Про меня Иванов где-то, не помню где, выразился так: “Это человек с талантом, только, жаль, любит очень печататься”» [10]. Эту мысль Иванов дважды формулировал в письмах отцу в 1841–1842 гг.

Алексей Петрович
Новицкий (1862–1934).
Фото 1890-х
Музей истории Киева

в более критических тонах. А именно, в послании из Рима в конце 1841 г. он общал: *«Гайвазовский человек с талантом. Его “День Неаполя” заслужил общее одобрение в Риме: воду никто здесь так хорошо не пишет, а его “Хаоса” я не видал, ибо он был написан для папы, с намерением получить крест. Но, вместо этого, он получил медаль, стоящую гораздо менее, чем рама картины, — с просьбой больше определения голове Саваофа, — оклад фигуры из водяной пыли и нахлобученных облаков. Все это показывает вспышки горячей головы Гайвазовского, и заставляет за него бояться, чтобы он не сбился в маньеризм. У него, между прочим, большая страсть печататься в газетах»* [11]. В приведенном отрывке мы выделили курсивом два фрагмента, которые могли стать источником слов Айвазовского.

Во втором письме отцу, снова из Рима, но годом позже, от декабря 1842 г., Иванов, рассказывая о статье Чижова, которая была посвящена ему, отмечает: *«...наша дружба началась по напечатании его статьи, о которой я совсем не знал, и поэтому не думайте, чтобы тут закрадывалась с моей стороны какая охота к печатным похвалам: я право не Гайвазовский»* [12].

К этому ряду примыкает еще одно римское письмо А. А. Иванова. Хронологически оно написано немного раньше первого послания к отцу, где упоминается Айвазовский. *«Гайвазовский... работает тоже скоро, но хорошо: он ис-*

ключительно занимается морскими видами, и так как в этом роде нет здесь художника, то его *заславили* и *захвалили*, — писал осенью 1841 г. Александр Андреевич. — Он много работает на заказ, имея пенсию на шесть лет, и, следовательно, будет иметь добрый капитал» [13].

Из последней цитаты становится ясна еще одна причина критики Ивановым Айвазовского, которая, вероятнее всего, скрывается в двух последних словах «добрый капитал». Впрочем, добрая ирония Иванова по отношению к Айвазовскому, выплеснувшаяся в трех его письмах из Италии, едва ли умаляет заслуги выдающегося мариниста.

1. *Гейман В. Д.* Иван Константинович Айвазовский. К 100-летию со дня рождения // Известия Тауритической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1918. — № 55. — С. 192.

2. Об Институте рукописи см.: Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник / НБУВ НАН України; О. С. Боляк, С. О. Булатова, Т. І. Воронкова та ін. — К., 2002.

3. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. 279, ед. хр. 449, л. 1–2.

4. *Новицкий А. П.* Опыт полной биографии А. А. Иванова. С атласом. — М., 1895. — [4], IV, XIV, 253 с.

5. *Бонь О. І.* Академік Олекса Петрович Новицький: наукова та громадська діяльність. — К., 2004. — С. 43–44.

6. Иван Константинович Айвазовский и его художественная ХЛП-летняя деятельность 1836–1881 // Русская старина. — 1878. — Т. 21. — С. 649–674; Т. 22. — С. 423–444; Т. 23. — С. 55–74, 281–306; 1881. — Т. 31. — С. 411–436.

7. Дом-музей М. А. Волошина (Коктебель). Инв. А-1109.

8. См.: *Новицкий А. П.* Мнения А. П. Боголюбова (о художниках). 30 июня 1888 г. Выписки, заметки // ИР НБУВ. Ф. 279, ед. хр. 632, л. 1–6.

9. *Боткин М.* Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка. 1806–1858. — СПб, 1880. — [4], XV, 478, XI с.

10. ИР НБУВ. Ф. 279, ед. хр. 449, л. 2.

11. *Боткин М.* Александр Андреевич Иванов... — С. 143.

12. Там же. — С. 155.

13. Там же. — С. 139.

Алексей Петрович Новицкий

Айвазовский Иван Константинович

[Воспоминания об А. А. Иванове]

15 ноября 1890 г.*

Занявшись биографией А. А. Иванова [1], я между другими лицами обратился и к нему письменно [2], прося его поделиться со мною теми сведениями, или воспоминаниями, которые у него могли сохраниться. Немедленно же получаю от него письмо [3], в котором он пишет, что числа 13 ноября рассчитывает приехать в Москву на день или на два, и приглашает явиться к нему, обещая рассказать свои воспоминания. Действительно, вечером 13-го он приехал и назначил мне явиться к нему в гост<иницу> Дрезден [4] в 1 час на след<ующий> день. 14-го, пользуясь свободным временем до часу, я решил побывать у П. М. Третьякова [5], который к этому времени должен был вернуться из-за границы. Являюсь туда и там же встречаю Айвазовского.

– Это Вы ко мне писали.

– Я.

– Очень рад служить Вам, чем могу; но у меня собственно немного сохранилось воспоминаний. В первый раз я встретился с Ив<ановым> во Флоренции – он приезжал туда копировать с Сальватора Розы [6]. Помню, меня тогда очень это удивило. Я еще только приехал в Италию, сам ее еще хорошенько не знал, но судя по картинам Щедрина [7], знал, что, напр<имер>, в Альбано [8] чудные места. Зачем, // думаю, ему копировать Сальватора Розу. Как там ни велик Сальватор, но все же природа-то выше. Я не выдержал и высказал ему это. А он так с усмешечкой обращается к стоящему тут Гоголю и говорит про меня: «молодежь» [9].

Гоголь в то время писал там «Мертвые души». Он не мог писать про Россию иначе, как вне России, и я его в этом понимаю. Когда над чем-нибудь рабо-

* Текст интервью публикуется впервые по автографу, хранящемуся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского (Ф. 279, ед. хр. 449, лл. 1–2). Печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации. Недописанные части слов заключены в угловые скобки. Концы листов обозначены двумя косыми чертами (//). Пользуясь возможностью, благодарю моего научного руководителя, профессора Киевского национального университета им. Т. Шевченко Василия Иринарховича Ульяновского, заместителя директора Феодосийского литературно-мемориального музея А. С. Грина Аллу Алексеевну Ненада, литературоведа Розу Павловну Хрулёву (СПб), доцента Киевского университета им. Б. Гринченко Александра Ивановича Боня за помощь в работе над публикацией.

таешь, приучаешь себя наблюдать в этом направлении, то эта привычка удерживается и в то время, когда уже станешь писать. А эти новые наблюдения мешают сосредоточиться на старых. Я сам это испытал еще в молодости. Когда я приехал в Неаполь [10], то, прельстившись красотами природы, решил писать картину. Наберешься наблюдений, примешься за кисть, пишешь, потом выйдешь освежиться, или пойдешь обедать, — там новое освещение, или какой другой новый эффект и сейчас является недовольство своей работой. Так я ничего не мог там сделать. Когда переехал в Рим, — там среди новой обстановки ничего не мешало, и я спокойно написал. Конечно, это не касается нового реально-го направления.

Потом я видал Иванова уже в Риме [11]. Обыкновенно мы, молодая колония [12], обедали вместе за общим столом, а Ив<анов> вдвоем с Гоголем за другим. И вот, помню, кто-то подарил им кислой капусты, и они ее несколько дней все ели вдвоем. Как-то // раз я подхожу к их столу и говорю, — что же это Вы нас-то обижаете, не поделитесь с нами.

— А что? — говорит Иванов, — ведь за лунную-то ночь можно дать капусту. (В это время я только что написал картину «Лунная ночь в Венеции» [13]).

Про меня Ив<анов> где-то, не помню где, выразился так:

— Это человек с талантом, только жаль, любит очень печататься [14].

Он все восхищался в то время Овербеком [15]. Сам-то он не писал так, но ужасно горячился, когда кто нападал на него, а нам, молодежи, не нравились эта его плоскость, однообразность и неестественность фигур».

Вообще Айвазовский произвел на меня очень приятное впечатление. По наружности он вполне похож с изданными его портретами [16], среднего роста, с веселыми улыбающимися глазами и приятным тембром голоса. Он совершенно не смотрит армянином, хотя в произношении можно заметить легкий южный акцент [17]. На прощание я попросил позволения поднести ему свой первый труд [18].

— Хотя я теперь и сам уже знаю многие его недостатки, тем не менее, позвольте принести его Вам в дар, как первый мой труд.

— Ах, зачем же это, — пожалуйста. Впрочем, если хотите, я буду теперь в <С>Пб, Эртелев пер<еулок>, д<ом>. Суворина [19]. Попробую прожить там месяца четыре. Он писал, что отделал дом заново и очень упрашивал приехать к нему. Жена моя [20] уже там».

(А. Н. 18¹⁵/X1 90 г.)

душно, ему контролировать Саквентора Ргу. Какое там
не велика Саквентора, но все же природа - это, конечно,
Я не выдержал, и выскочил ему навстречу. А он там
с изумительной быстротой обратился к стоящему тут
Толмо и говорил мне: „маленько“?

Тогда в то время писал там Маркис дуан
Он не мог писать про Россию, много, как в России,
и я его в то время помню. Когда надо было писать
работаем, прилагаем себя наблюдать в то время на
правление, то эта привлекательность и в то
время, когда уже становится писателем. А эти новы, на-
блюдения писателя сосредоточены на старом.
Я сам это писатель мне в молодости. Когда я
приехал в Кемерово, то представляю себе крас-
оту природы, решил писать картину. На-
блюдая, наблюдая, применяю за собой, пишу,
попытаюсь увидеть светителем, или найдено от-
давать, - там новое освещение, или какой-то новый
эффект и сейчас являюсь недоволен своим ра-
ботой. Там я много не мог там увидеть, когда не-
редко в Риме, - там среди новой обстановки много
не видел, и я снова пишу. "маленько это не
касается нового решения направления.

Тогда я видел Ив. что в Риме. Обширные ма-
лободы колоний отдают, видны за одним сто-
ном, а Ив. вдалеке с Толмо за Фрунзе. И в то же
полю крестом подарил мне много копий
и они все итак же они все в том вдалеке. Как-то

А. П. Новицкий. И. К. Айвазовский. [Воспоминания об А. А. Иванове].

15 ноября 1890 г. ИР НБУВ. Ф. 279, ед. хр. 449, л. 1-об.

Айвазовский И. К.

раз я подхожу к тебе столу и говорю, - что же это
 вы на это обижаете, не подумайте о маме.
 - А что? говорит Ив., введи за картину твою пах маме
 одна картина. (В это время я только что написал
 картину Линас портрет в Венеции).

Про маму Ив. и до того, и не помню, выразил так:
 - мне хотелось с мамой, больше, так, маму от
 не забываются.

Он все восхищался во это время Овербеком. Сказ
 то он не имел, но утасово пережил, когда
 когда кто нападал на него, а как молодости не
 правды так его посягают, однообразие и не-
 самособственно фриволь.

Водне Айвазовский пришел на нем отне приятное
 впечатление. По характеру он больше похож на
 изданным его переживаниями, среднее место в все-
 лении убавляющиеся глаза и приятный тенор
 голоса. Он совершенно не смотрит армянство,
 хотя в националистиче наши заданно некий юмор
 имеют. На утомление я попросил позволения поднести
 ему свой первый журнал. Хотя я и нехорошо и сам уже
 знаю много его недостатков, что не лучше первого
 времени его как в том, как первый мой журнал.

- Ах, зачем же это, - возмущена. Впрочем, он
 читает, и буду теперь в Пб, Эрастелл пер. 7. Суво-
 рина. Подарю пропитан твоем делом сентября. Он
 тебе, что отдален дойдя зато и очень украсило
 придало к нему. Меня мой уже так.

[А. К. 18¹⁵/_Х 90.]

1. Результатом работы стала монография А. П. Новицкого «Опыт полной биографии А. А. Иванова. С атласом» (М., 1895), а также ряд его статей: Иванов как иллюстратор священного Писания // Русское обозрение. — 1893; Гоголь и Иванов // Русское обозрение. — 1893; Иллюстрации А. А. Иванова // Московские ведомости. — 1893. — 7 июня. Оттиски первых двух статей сохранились в архиве ученого — ИР НБУВ. Ф. 279, ед. хр. 1252.

2. Айвазовский был не единственным среди именитых людей, которые откликнулись на просьбу Новицкого. В один ряд с ним можно поставить также В. С. Соловьева и М. С. Тихонравова, которые также делились своими воспоминаниями и материалами с молодым ученым.

3. Это письмо в личных архивных фондах Новицкого не найдено.

4. «Дрезден» — московская гостиница, располагавшаяся по адресу: Тверская площадь, 2/6 (сегодня дом перестроен). Построена в 1830 г. и первоначально имела название «Север». Гостиница дала ироническое название столкновению студентов Московского университета с полицией 12 ноября 1861 г. — «Дрезденское восстание». В разное время в ней останавливались А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов, В. И. Суриков, И. С. Тургенев, А. П. Чехов и проч. (См.: Москва: Энциклопедия / Гл. ред. С. О. Шмидт. Сост.: М. И. Андреев, В. М. Карев. — М., 1997. — С. 271, 788).

5. Третьяков Павел Михайлович (1832–1898) — собиратель произведений русского искусства, создатель Городской галереи в Москве (впоследствии — Третьяковской).

6. Роза Сальватор (1615–1673) — неаполитанский художник, превосходный мастера пейзажа и батальных сцен. См. о нем: *Знамеровская Т.* Сальватор Роза. 1615–1673: Альбом. — М., 1972.

7. Речь идет о Сильвестре Феодосиевиче Щедрине (1791–1830) — русском живописце-пейзажисте. Вероятно, имеется в виду его картина: Озеро Альбано в окрестностях Рима. 1825. Х., м. 45 × 61, которая сегодня хранится в Государственном Русском музее (СПб), куда поступила в 1897 г. из Императорского Эрмитажа.

8. Альбано — местечко, расположенное неподалеку от Рима. По свидетельству современников, в XIX в. оно было одним из живописнейших на всем Апеннинском полуострове и во все времена пользовалось широкой славой среди художников и путешественников. Оно привлекало красотой своих озер, прекрасным видом на горы, зелеными чащами, тенистыми аллеями. Этот городок очень полюбился Сильвестру Щедрину. В одном из писем С. Щедрин отмечал: «...Ариччия, Тиволи прелестны, но с Альбано ничего не может сравниться...» После смерти Щедрина Альбано облюбовали М. Лебедев и К. Брюллов, бывал здесь и А. Иванов. В списке работ Иванова можно отметить как минимум две его картины, связанные с Альбано, — «Этюд земли с воротами Св. Павла в Альбано» и «Этюд земли у Чимитеро (кладбища) в Альбано».

9. Ср. с воспоминаниями Айвазовского, записанными П. П. Каратыгиным: «Здесь (во Флоренции. — Е. Ж.) встретил я Александра Андреевича Иванова, на время приехавшего из Рима. От природы не слишком общительный, Иванов сказал, что прибыл во Флоренцию, чтобы скопировать несколько деревьев с пейзажей Сальватора Розы для помещения их на своей картине: “Явление Мессии народу”. При всем моем уважении к памяти Александра Андреевича, я, признаюсь, до сих пор не могу ни понять, ни объяснить себе: зачем ему понадобились — на местности берегов Иордана, изображенной на его картине, — деревья с пейзажей Сальватора Розы? Неужели их недостаточно натуральных в ок-

рестностях Рима?» (Иван Константинович Айвазовский и его художественная XLII-летняя деятельность: 1836–1881 // Русская старина. — 1878. — Т. 22. — С. 424).

10. Айвазовский впервые приехал в Неаполь в начале октября 1840 г., а 3 декабря, между прочим, сообщал в Императорскую Академию художеств: «Два месяца, как я в Неаполе...» (*Барсамов Н. С.* Иван Константинович Айвазовский. 1817–1900. — М., 1962. — С. 39)

11. Вероятно, в 1842 г.

12. Русская художественная колония в Италии в период с 1837 по 1845 гг. была весьма многочисленна. Художники Федор Завьялов, Петр Шамшин, Василий Штернберг; скульпторы Александр Логановский, Петр Ставассер, Николай Рамазанов, Константин Климченко — вот далеко не полный ее состав.

13. Образ Венеции всегда привлекал Айвазовского. В словаре Собко можно насчитать 21 «портрет» этого города, принадлежащий его кисти. На этих полотнах уже развенчанная «царица морей» в основном изображена ночью, но есть и исключения — туманные утра, закаты солнца, отдельные уголки города, и, наконец, наиболее экзотичная вещь — «Ночная прогулка Байрона в Венеции». По нашим подсчетам, виды Венеции входят в список из тридцати наиболее популярных сюжетов Айвазовского, к нему он обращался на протяжении всей жизни.

14. Источник этого высказывания — письма А. А. Иванова, опубликованные в издании: *Боткин М.* Александр Андреевич Иванов: его жизнь и переписка. 1806–1858. — СПб, 1880. — С. 139, 143, 155.

15. Фридрих Овербек (1789–1869) — немецкий живописец, один из основоположников «назарейской» школы.

16. К осени 1890 года в русских печатных изданиях было помещено более 14 портретов Айвазовского. Первый из них был воспроизведен в 1846 г. в газете «Иллюстрация» (№ 34).

17. Ср. с воспоминаниями Ю. Галабутского: «Айвазовский был вообще не мастер говорить. В его речи замечен был нерусский акцент, говорил он несколько затрудненно и не плавно, растягивая слова и делая довольно продолжительные паузы; но он говорил со спокойной важностью человека, который заботится не о том, как сказать, а лишь о том, что сказать» (*Галабутский Ю.* Айвазовский: По личным воспоминаниям (К столетию со дня смерти художника) // Крымский альбом '2000: Историко-краевед. и лит.-худож. альманах / Сост. Д. А. Лосев. — Феодосия; М., 2002. — Вып. 5. — С. 123).

18. Очевидно, это книга: *Новицкий А. П.* Художественная галерея Московского Публичного и Румянцевского Музея. — М., 1889. — 314 с., 16 ил. на отдельных листах. Характерно, что отдельный раздел в ней был посвящен именно картинам Айвазовского в собрании музея.

20. Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — издатель и журналист, драматург. Факт того, что Айвазовский останавливался в Петербурге у Суворина, подтверждает биограф Ивана Константиновича Н. Кузьмин, в своих воспоминаниях отмечавший: «Во время одного из своих приездов в Петербург Айвазовский останавливался в доме Суворина» (*Кузьмин Н. Н.* Воспоминания об И. К. Айвазовском. — СПб, 1901. — С. 7).

21. Вторая жена художника — Айвазовская Анна Никитична (1856–1944), ур. Бурназова, в 1-м браке Саркизова.